

Маркин Николай Александрович

На карте просто высота 102.0, самый восточный в районе Сталинграда выступ

Родился 28 июня 1921 года в деревеньке Курочкино, на берегу Волги, на ее высоком правом берегу. На безлесных горах, местами известняковых, оврагах. На ее склонах и взгорье расположена большая русская деревня. В 4-х километрах от деревни железнодорожная ветка. Ниже по Волге в 10 километрах Казанский железнодорожный мост через Волгу.

В этой деревеньке окончил 2 класса, а затем отец, служивший на землесосе, обеспечивающем глубину для судоходства по Волге, забрал семью на зимовку судна в поселок Василево Горьковского края. Летом, вместе с младшей сестренкой "плавали" с отцом, по Волге. Он был помощником капитана и имел отдельную каюту. Мать с малышами жила на берегу. Но такое счастливое детство закончилось весной 1933 года.

В апреле, отца у нас не стало, по навету "доброхотов" боровшихся за классовую "чистоту" ее партийных рядов, и с оппозиционерами разных придуманных мастей. Из деревни, где я родился, и где мы жили, где родились и мои родители,

прислано было письмо в завком завода, где ремонтировалось и зимовало судно, о том, что он сын кулака. По письму не было никакой проверки, но после этого письма по решению определенных властей отца мы лишились навсегда.

Мать моя, Екатерина Акимовна Маркина, осталась без мужа с 4-мя детьми. Я был старшим, мне было 11 лет. Конечно же, только ей мы обязаны всеми качествами, которые помогли нам преодолеть все жизненные невзгоды и трудности и всем получить высшее образование. Сама она имела начальное образование, работала в больнице санитаркой. Жили очень трудно и бедно. В 1933 году в городах и поселках была карточная система. Год этот для страны был тяжелый и голодный. В деревнях была коллективизация. Народ страны трудился не жалея сил надеясь на лучшее. Страна строила Магнитку, Днепрострой, тракторные заводы. Создавалась советская авиация. Преодолевая все трудности и невзгоды, СССР крепла и утверждалась в мировой системе.

Благодаря достижениям в авиации были спасены челюскинцы.

Появились первые Герои Советского Союза – первая семерка героев, спасшая челюскинцев.

В 1936 году уроженец поселка Василево – Валерий Павлович Чкалов, уже получивший орден Ленина за летное мастерство в 1935 году, с Г.Ф. Байдуковым и А.В. Беляковым на самолете "АНТ-25" совершили перелет Москва-Петропавловск, сели на о. Удд (ставший островом Чкалов), Перелет этот был назван "Сталинским маршрутом". За этот беспосадочный перелет отважная тройка летчиков получила звание Герой Советского Союза. После триумфального возвращения в Москву, приема в Кремле, Чкалов приехал на родину к матери в п. Василево на Волге. Как и всюду, и здесь была триумфальная встреча Чкалова своими земляками.

Мальчишкой, в толпе встречающих, я видел его довольно близко, по дороге с пристани к трибуне, где он выступал и затем к дому матери, где он вырос и где с 1940 года открылся его мемориальный музей. Как и всем, встреча мне очень запомнилась. И в моей дальнейшей творческой жизни его образ определенным образом отразился.

Еще мальчишкой, плывая с отцом по Волге, я увлекся рисованием. Лучшего занятия чем это - для меня не было.

Карандашом, цветными карандашами, чернилами я рисовал проходящие мимо суда, особенно буксирные, идущие с караваном барж. Они двигались не так быстро, и можно было успеть рассмотреть и нарисовать. Их было нарисовано множество. Я знал все их особенности и отличия друг от друга вплоть до тембра гудков. Знал, что означает любой из этих звуковых сигналов, и маневров. В Чкаловской школе (с 1937 года пос. Василево стал пос. Чкаловск) я ходил в изо-кружок. В год столетия со дня гибели А.С. Пушкина я нарисовал для школы его портрет. В 8 классе мы с товарищем по классу Виктором Частовым нарисовали для школы на ее фасаде портрет И.В. Сталина - 3 метра на 2 метра.

Летом мне исполнилось 16 лет, получив паспорт, и справку об окончании 8 класса мы с В. Частовым уехали поступать в Ярославское художественное училище. Дома оставалась мать с двумя младшими сестрами. Брат к тому времени умер. Матери на зарплату санитарки и уборщицы трудно было всех содержать, а надо было всем еще и одеться. Я жил самостоятельно, но мучился, что не могу помогать матери. На стипендию в 20 рублей в месяц прожить было не просто.

Правда, в те годы очень торжественно проходили праздники 7 ноября и 1 мая. Проводились демонстрации, и города наряжались. Удавалось немного заработать на изготовлении праздничного оформления – на написании лозунгов, плакатов. Портретное написание доставалось уже более умелым и более удачливым художникам г. Ярославля.

В 1940 году ребят призывного возраста до окончания учебы забрали в Красную Армию на военную службу. Нас, 1921 года рождения, оставили до окончания учебы.

В июне 1941 года мы писали дипломные работы – эскизы картин на избранную тему. Уже прошли производственную практику в школах г. Ярославля. Жизнь шла своим чередом. Мы, чтобы что-то заработать, 22 июня с моим однокурсником и другом Юрием Семенюком (ныне Народным художником России) работали по оформлению сельхозвыставки Ярославской области. Оформляли к ней стенды. В середине дня по радио услышали о выступлении В.М. Молотова.

"Это война", - сказала женщина в обкоме, нас консультирующая.

Прослушав выступление Молотова все разошлись... Нападение гитлеровских войск, слово "война" перевернула и круто изменила жизнь сотен миллионов людей. «Все – для фронта!» - стало лозунгом жизни страны - "Все – для Победы!"

28 июня, в свой день рождения, я, в числе выпускников художественного училища 1941 года, получил аттестат об окончании. Мечта о дальнейшей учебе улетела... На фотографии выпускников нашего курса, все ребята уже наголо подстрижены, как призывники горвоенкомата г. Ярославля.

В военкоматах столпотворение. Нам повесток не присылали. Надо было освобождать общежитие училища. Для училища мы были уже "отрезанный ломоть".

Я пошел в горвоенкомат на прием. Объяснив ситуацию с общежитием и отсутствием денег, попросил разрешения на пока оставшиеся рубли съездить домой к матери и сестрам увидеться, проститься перед призывом в Красную Армию. Наказав мне, чтобы по приезде к матери в тот же день встал на учет в военкомате по месту жительства семьи он меня отпустил.

В Чкаловском райвоенкомате, куда я ходил уже еженедельно, сказали: "Ждите вызова, когда надо - позовем".

Все подорожало. На продовольствие стали вводить карточки, надо было поступать на работу.

Имея аттестат учителя рисования и черчения я пошел в Чкаловское РОНО. В отделе народного образования меня оформили в школу, где когда-то учился я сам. Назначили сразу классным руководителем старшекласников. В колхозах района, горячая пора – уборка урожая. Мужчины из деревень и Чкаловска еженедельно уезжали в Красную Армию.

Уже в первых числах августа школьников-старшекласников отправили на помощь колхозникам. Мы ходили за 6 километров в колхоз "Путь Ленина". Помогали по обмолоту хлеба и уборке льна. Чкаловский район был льноводческим. По Волге ехали семьи эвакуированных с западных районов страны. Школьные классы временно отдали эвакуированным семьям для расселения. Мы продолжали ходить в колхоз – помогать. Со второй половины сентября начались школьные занятия. Процесс учебный у меня шел нормально. Правда, с дисциплиной в 6-х классах не всегда было хорошо. Очень быстро запомнил фамилии. Многих знал

по их братьям и сестрам, когда еще учился сам. У некоторых знал отцов или матерей.

Проработал в школе всего одну учебную четверть с хвостиком. 19 ноября получил повестку о призыве. Сдал свои учебные планы и все тетради из училища заместителем по педагогической работе Софье Ковалевской, с которой учился вместе еще в 4-м классе. Ее мать еще когда-то вела в школе изо-кружок.

Пришла пора, и ушел я из материнского дома, оставив ее и сестренку, как ушли в ту пору миллионы молодых и пожилых. Не зная, не ведая, удастся ли вернуться в него и если вернуться, то уже - другими людьми.

Пешком через Волгу на город Городец, затем снова через Волгу на г. Правдинск, где сели на поезд до г. Горького. В г. Горьком (Нижний Новгород) в городском военкомате нас, в сопровождении сержанта с пакетом посадили в теплушки. Теплушки были обжиты - с нарами в 2 яруса и печкой-буржуйкой. Поезд двинулся. Оказалось, везут нас на восток. Выдавали сухой паек. За весь путь на какой-то, не помню, станции, вывели и накормили супом из одной капусты. А выгрузились в г. Ачинске. Мы прибыли в старинный военный городок с огромными многоэтажными казармами из красного кирпича, построенными еще в царские времена, я вспомнил по биографии Сталина, что он проходил здесь военную службу. После санобработки нам объявили, что мы находимся в расположении Киевского военного пехотного училища. Будем учиться по ускоренной сжатой программе 6 месяцев. Всем, успешно закончившим учебу, присвоят звания лейтенантов и младших лейтенантов по результатам экзаменов. Начальником этого училища был генерал-майор Сверчевский, известный позже польский генерал.

Учить нас стали на пулеметчиков. Командиром нашего 2-го взвода 2-й роты был лейтенант Таранкевич, очень хороший человек и командир, но, в основном - все передоверявший старшине взвода.

Пулемет «максим» - основное оружие, которое мы изучали. Тренировали нас до «потери сознания» по знанию технической части, с завязанными глазами надо было собрать замок, меньше чем за одну минуту. Стреляли мало - патроны шли на войну. Основная учеба была в поле, в классах

занимались теорией, зубрили уставы: вооруженной службы, инженерной службы, боевой устав пехоты. Ежедневно политинформация, которой занимался с нами комиссар с двумя шпалами. Винтовку СВТ разбирали и собирали сотни раз, но на фронте оказалось, что винтовка эта только для парадов хороша. В боевых условиях достаточно песчинке попасть и - одни осечки. Совершенно не ознакомили с оружием противника, правда, командиры говорили, что у немцев автомат - основное вооружение пехоты.

Но есть хорошая поговорка: «Но только глазу перед ухом вера». Жизнь на войне показала пагубность этого недоверия, под Сталинградом, столкнувшись с вражеским оружием, многие были ранены и даже убиты по своей вине. Впервые увидев немецкие гранаты с длинной ручкой и шнуром запала, солдат разглядывая такую «штучку», потянул за шнур. В итоге после взрыва он и еще трое были тяжело ранены, один - смертельно. Возможно, я мог бы предупредить такое, но сам видел их впервые. А немецким металлическим пулеметным лентам мы просто завидовали. В холодное время набить мокрую льняную ленту для «Максима» большая проблема, пальцы от мороза деревенеют, не слушаются. А плохо набьешь, будет перекося патрона – тебе же хуже.

Излишне много было в программе обучения шагистики. «Тяни носок», - кричит командир. Треть времени уходила на строевую подготовку. В учебных полях занимались до «седьмого пота», курсанты задыхались от усталости. За 5 месяцев на мне две гимнастерки буквально развалились от пота. Почти через каждые 2-3 дня объявляли боевую тревогу, в основном - ночью, под утро. В полном боевом снаряжении мы проходили по 15-20 километров и половину пути - в противогазах.

Приказ №227 от 28 июля 1942 г.

Однажды, боевая тревога закончилась общим построением всего состава училища в поле, далеко за городом. Рано утром мы были построены в большой прямоугольник и впервые увидели начальника училища генерала Сверчевского. После краткой речи нам зачитали приказ Наркома обороны №227. С суровой прямоотой в нем говорилось о нависшей над

нашим Отечеством смертельной опасности: «Враг бросает на фронт новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется вглубь Советского Союза, захватывает районы, опустошает и разоряет наши города и села. Отступать дальше - значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону... Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам не стоило».

Прошло более полувека, но я помню все эти слова, прочитанные нам под городом Ачинском на рассвете летнего дня, они потрясли всех нас. В этом приказе от нас не скрывали горькую правду. Значит, дело действительно плохо, и настал час либо уступить врагу, либо умереть.

Потом нам прочли приказ начальника училища об отправке всего состава курсантов в действующую армию на запад. Так мы и закончили учебу – курсантами. На следующий день весь состав училища был погружен в эшелон и, по зеленой улице светофоров, через 10 дней прибыл в г. Вольск на Волге. Снова я увидел свою родную реку Волгу.

Мы маршем идем к Сталинграду

По прибытии нас построили, появились командиры и нас группами повели размещать по городу. Через какое-то время прибыли представители от воинских подразделений, всех построили и выспрашивали специальность. Курсанты были разных возрастов. Из строя выходили шоферы, слесари, механики, электрики, их уводили. Остальные были направлены в учебный батальон. Так я оказался в 112-й дивизии. Через несколько дней мы получили оружие по специальности - пулеметы «максим», карабинов не хватило, выдали винтовки.

В полной боевой готовности в одну из ночей мы двинулись на юг. Ничего нам не объявляли, но по солдатскому «радио» все узнается быстро, - мы идем защищать Сталинград. Шли только по ночам, строжайше было запрещено курение в строю, но все равно курили в рукав, во время привалов курили, накрывшись шинелью. Длительный этот марш был утомителен и однообразен, от постоянной усталости хотелось

только поспать и поесть, других желаний не было. Иногда наши колонны обгоняли грузовики, поднимая такую пылью, что нечем было дышать. А пехота цокала и цокала, позванивая окованными прикладами винтовок, котелками, саперными лопатами, щитами пулеметов. Полы шинелей хлестали по ногам, иногда у кого-то сползали обмотки, на них наступали и матерились. Иногда кто-нибудь засыпал на ходу, и за рукав его дергали в строй. Солдаты всех ростов и возрастов, нагруженные снаряжением, шли и шли, и, казалось, не будет конца этому маршу.

Все ждали привала. Уже начало рассветать, мы увидели рошу, надеясь, что, наконец, - будет отдых. Но появились командиры, которые обычно шли где-то в стороне, начались команды: «Не отставать!», «Держать дистанцию!», «Держать интервалы!» Мы вышли на улицу большого села с красивыми, выкрашенными масляной краской, домами, с палисадниками полными цветов. Окна распахнуты, на них цветущие герани и ни одного человека. Было такое впечатление, что все куда-то ушли. На привале политрук сказал, что мы пересекли селение республики немцев Поволжья, они враждебно относились к русским и ожидали прихода немцев. Их всех вывезли на восток в 24 часа.

Слышны и видны раскаты фронтовые

Трудно вспомнить, сколько дней шли, но после недели похода солдаты стали терять что-либо, появились отставшие. Все чаще стали видеть немецкие самолеты, на привалах постоянно видели «раму» - немецкий двухфюзеляжный самолет-разведчик, летающий на огромной высоте. Ночью видели светящиеся зонты, сбрасываемые немецкой авиацией. От них долго было очень светло, казалось, что каждая ракета висит над нами и тебя видно, хотя шли иногда в сплошной пыли, поднимаемой множеством ног. Уже были видны голубые лучи прожекторов, беззвучно стригущие вдаль в вышине. Их отсвет падал на землю, и еще гуще клубилась пыль и колыхалась горбатая от ноши пехота. Все реже попадались рощи, где можно укрыться в дневное время, убежищем чаще становились овраги (по-местному балки). Было сухо, населенные пункты колонна обходила стороной,

гул взрывов был слышен над начинающейся степью. Мне трудно сейчас вспомнить точное местонахождение нашей колонны, но она стала уменьшаться. Часть полков оторвалась по назначенным им направлениям. Костяк дивизии прибыл из Сибири. Командир дивизии подполковник Сологуб был ветераном гражданской войны, и чувствовалось, что сибиряки его уважали.

Давно пересекли железнодорожное полотно, по которому по ночам мчались составы, идущие к Сталинграду. В одну из ночей нам приказали рассредоточиться на юго-западном направлении и начать окапываться. Степь, небольшая высота, обрывающаяся местами оврагами, кругом полынь, воды близко нет. Вырыть траншею стоило огромных усилий. Земля без дождей так усохла, что от удара лопатой оставался блестящий срез, и она отскакивала, углубившись на 1-1,5 сантиметра. Надо было оборудовать гнезда для пулеметов, для патронных коробок, вырыть для себя укрытие, чтобы ночевать. На это ушли полные сутки.

Первый бой

То, что пишут и показывают о войне, о боях с немецко-фашистскими захватчиками, о встречных атаках, бомбовых ударах, шквальных пулеметных и минометных обстрелах правильно, но никогда не передает накала боя, его ожесточения, боли и отчаяния, героизма и всей отваги ее участников. Бои различны, часто быстротечны, слова никогда не могут успеть за всем этим. Следовало бы запомнить молодым, которые знают о войне понаслышке, что в нашей истории было много хорошего. И, прежде всего, это миллионы людей, которые отдавали свой труд, свои жизни за честь и свободу Отечества во имя жизней многих поколений.

Оказаться в земле тогда было очень просто, но те солдаты, которым повезло, стали в строй победителей в той огромной войне. Удалось уцелеть и мне, хотя был трижды ранен, стал инвалидом, матери прислали на меня похоронку.

Своим отступлением я отвлекся от описания своего первого боя.

Политрук батальона проводя беседу в траншее, сказал: «Противник рядом, будет трудный бой». Завтракая, каждый

думал, доскребывая в котелке, и пряча ложку, может больше - и не пригодится. Выпив чай из пахнувшего кашей и комбижиром котелка, я подумал, что и на той стороне у немцев может также ждут сигнала, а потом все выскочат из окопов и побегут убивать друг друга. Странно это когда-нибудь будет людям.

Все произошло несколько иначе. В чистом небе высоко, сочно треснуло – разорвался пристрелочный снаряд. В небе, как приклеенное повисло, грязное облачко, а немного спустя, с тем же характерным звуком образовалось два черных пятна. Затем в воздухе появился тягучий, усиливающийся и толстеющий вой, пересек траншеи, оборвался где-то резко и рассыпался. Над окопами сразу же возникли жала новых разрывов. Их звук впивался в череп, давил голову вниз, и ничего нельзя было сделать, чтобы не присесть, зажмуриться в момент обрыва этого звука. Все в траншеях то приподнимались, то опускались мерно, слаженно, молча, даже стволы винтовок и пулеметы шевелились. Никто из солдат не оборачивался туда, где рвались снаряды. Линия взрывов медленно двигалась к траншее, мины падали рядом. Ров бруствера траншеи был засыпан польностью для маскировки, от взрывов она падала в ров. Мины взрывались, чуть коснувшись земли, образуя черные округлые пятна, и ни один осколок, казалось, не залетал в окоп случайно. До того, как удариться в бруствер или в стенку он кружился, фырчал сверху, будто ища свое место. И все мы каждый осколок считали «своим», инстинктивно вжимались в стенку: «Сейчас в меня... в меня... в меня!»

Впереди глухо, как-то по-другому, по-своему треснула мина, в грудь упруго ударила волна, как горячий ком. Раздался испуганный с болью крик: "А-а-а". С сыпучим шумом обрушился окоп. Наш пулемет «максим» приподнялся и съехал вниз. Я увидел огромные глаза и неестественные руки нашего первого номера. Вскочив и снова присев, я увидел сине-красный клубок чего-то живого... Я бросился по траншее, не зная, куда бежать... Нашу траншею накрыло сразу несколькими взрывами мин.

Втиснувшись в нишу, в страхе понял, где находится командир и санитары. Огненный вал сполз дальше. Несколько мин взорвалось еще за рвом, вскоре обстрел прекратился.

Мутно-коричневая гарь колыхалась над головой, пахло чесночно-вонючим и кислым. Горло першило чем-то противно липким.

Стали выяснять убитых и раненых. Прибыли санитары. Я увидел, как двое красноармейцев завертывали в плащ-палатку тело убитого первого номера пулеметчика, я не знал даже его фамилии – все звали его Костей из Омска. Солдаты сгребли вместе с польнью все, что было возле ног Кости. Лейтенант кричал: "Быстрее". Солдаты долго вылезали из траншеи, часто останавливались, меняясь местами, унесли убитого.

В затишье красноармейцы бегали в свой тыл по двое, по трое и возвращались в окопы.

«Сейчас опять начнут» – сказал лейтенант.

Действительно. После артиллерийского и минометного обстрела появились танки. За танками, прячась за них, шли автоматчики. Танки вели огонь по нашим окопам. Вступила наша артиллерия, стараясь расстроить их ряды и подбить танки. Выкатили на прямую наводку 45-мм орудие. Сначала было оно с закрытой позиции, но было обнаружено. Грохот рвущихся снарядов, треск автоматных и винтовочных выстрелов, треск пулеметных очередей сливался и заглушался стоном раненых.

Все же пулеметным огнем и огнем винтовок удалось отсечь немецких автоматчиков от танков. 2 танка были подбиты, а 3 танка прорвались сквозь наши траншеи и исчезли. У нас не было противотанковых гранат и было только одно противотанковое ружье. Из него и был подбит один танк немцев. Лязгали танковые гусеницы, пылали танки, из них выбросились объятые пламенем танкисты.

Тошнотворный острый запах горящего человеческого мяса витал над полем боя. Изрытая воронками, вспаханная гусеницами танков, земля покрывалась трупами.

Немцы откатывались от наших окопов и снова повторяли свои атаки. Так каждый день несколько раз. Все же свои первые траншеи мы вынуждены были покинуть. Ночью произошла перегруппировка войск, и мы снова окопались, несколько отступив. Ряды наши заметно редели. Ночью мы пытались отбить потерянные позиции. Но вернуть все потерянное не смогли. Днем немцы, получив пополнение, снова и снова наступали.

Так было теперь почти каждый день. Немцы давили на нас со все усиливающейся мощью. Вскоре политрук в беседе об обстановке сказал, что недавно в одном из боев погиб и командир дивизии Н.П. Сологуб.

Мы уже были на подступах к внешней обороне Сталинграда.

В бою человек как бы тупеет, видимо, это защитная реакция организма, без этого не всякий организм и выдержит. И боль от потерь в бою не так остра. Настоящая реакция на пережитое наступает потом, когда бой кончился, и ты оказался в относительно спокойной обстановке. Вот тогда гибель товарищей, подробности пережитого, подробности боя вызывают у тебя боль и ужас. Осколок, ранивший тебя – не зрячий, он мог попасть в сердце, в голову, и ты мог быть мертв. Но погиб он, а не ты, ты жив и чувствуешь себя виноватым. От этого чувства невозможно избавиться, его не выбросишь из головы всю жизнь. В этом бою и мне достался небольшой осколок уже на излете. Ранение было легким. Отделался перевязкой у медфельдшера, хотя кровотечение было очень сильное.

Инструктаж

По приказанию командира дивизии к нам, как доложил командир батальона Васильев, утром прибудет инструктор из штаба армии. Он прибыл в наше расположение и нам представили капитана (фамилию не могу вспомнить), как инструктора по борьбе с танками.

«Товарищи красноармейцы, братцы! Против вас будет много немецких танков, очень много. Штаб армии, страна, не может всем достаточно дать противотанковых средств. Тех, что у вас, конечно мало. Я привез вам против танков грозное оружие – обыкновенные бутылки с горючей смесью. Сейчас я вам объясню, как ими пользоваться. На тебя идет танк. Главное не волноваться – начал объяснять капитан, – Он ведет по вам огонь из орудия. Но главное не волноваться и ждать».

В основном красноармейцы были новички, но были и опытные солдаты. Они знали, что значит «не волноваться», когда на тебя идет железная машина и ведет пушечный огонь. Земля вздрагивает, когда танк стреляет, не только душа! И

если тебя только обсыпало землей, засыпало комьями земли, и задели осколки, то рядом кто-то уже раненый, стонет и заливается кровью ...

«Главное, не волноваться», - подумал я.

Слушаем дальше ...

«Танк подходит ближе – мертвое пространство образуется для орудийного огня – ниже ствол не наклоняется. Танк стреляет из пулемета. Многие не выдерживают, выскакивают из окопа или траншеи. Этого делать не стоит. Скосит очередью», - продолжил капитан.

«Это понятно! Как не понять!», - сказали мы.

«Танк совсем близко, – продолжает дальше инструктор, – он может раздавить тебя гусеницами. Многие от страха бросают бутылки ему в лоб. Это опасно. Горючее сгорит, на танке сгорит только краска. А ты себя обнаружишь, он станет уютить окоп или траншею. А это известно, что значит?!»

Мы уже видели и знаем, что значит "уютить окоп".

Танк кружится на месте, земля обрушивается и погребает людей заживо, а танк утрамбовывает, "уютит" землю. Страшная смерть.

«Надо не волноваться, – продолжает капитан, – а пропустить танк над собой и бросить бутылку в радиатор – радиатор у него сзади. Вот тогда ему и конец! Сгорит, проклятый, как свечка. Все очень просто!»

Кто-то из слушателей вздыхает: «Просто, просто».

«Правда, нужно иметь в виду, что за танками идут автоматчики от отделения до взвода», - добавляет капитан.

«Проще не бывает!», - раздался чей-то возглас.

«А автоматчики зачем?», - спросил кто-то.

«Просто понаблюдать!», - пошутили мы.

Выходит - просто, но практически - невозможно...

И все-таки перед фронтом нашей дивизии, да и любой другой, горело множество вражеских танков. В этих боях было немецкое превосходство. У них были тысячи танков, у нас только сотни. Но наши танки врвались внезапно и наводили на немцев ужас. Наши подбитые танки ночью утаскивали буксировщики и восстанавливали на Сталинградском тракторном заводе, где было налажено изготовление танков Т-34, работали там круглосуточно. Те танки, которые нельзя

было отбуксировать, закапывали, маскировали и делали огневую точку, бившую внезапно в упор.

Время многое стерло из памяти, имена, фамилии. В борьбе с танками многие ребята отличились.

А сегодня не только наши союзники бывшие стараются принизить нашу армию и героизм наших бойцов, но посмотришь иные передачи по телевидению, считаешь газеты, в них упорно, не всегда назойливо, но упорно принижают нашу Победу. И создают впечатление, что мы не так воевали, не так и не то защищали. И вообще, не мы победили фашизм, а наши союзники.

Фашисты хотели превратить нас в своих рабов и этого не скрывали, все поведение фашистов было этим проникнуто, а не только их пропаганда. А мы не хотели, чтобы наш народ, наши близкие, родители, любимые наши, да и мы сами стали чьими-то рабами. Разве этого недостаточно, чтобы идти на бой и побеждать.

К этому рассказу об инструктаже по борьбе с танками, могу добавить из своей послевоенной практической жизни. В последнем фильме Леонида Гайдая, тоже фронтовика, "На Дерибасовской", где я работал художником-постановщиком, совместно с тоже бывшим фронтовиком офицером связистом – Феликсом Ясюкевичем, есть эпизод, где танк "утюжит" окоп. Там играл в эпизоде артист Мягков.

Здесь танк "утюжит", как и рассказывал нам когда-то инструктор, но окоп был сделан на совесть, чтобы обезопасить актера от случайностей, была соблюдена техника безопасности. В окопе от осыпания были установлены стойки-бревна с распорками. Такой окоп можно было "утюжить" многократно.

На фронте окоп для "утюжки" сделать было невозможно, материалов не было, и когда делать? А разве можно угадать, где появятся и пойдут танки?

Над нашими головами вдруг неизвестно откуда появился маленький темный самолет с узкими косо обрубленными крыльями. Он стрекотал как косилка, из квадратного фюзеляжа торчали в разные стороны его колеса. Бывалые солдаты этот самолет-разведчик называли "костылем". Его очень трудно было сбить. Самолет маневрировал над нашим расположением, то снижаясь, заваливаясь с крыла на крыло, то

снова набирая высоту. При снижении мы четко видели на нем черно-желтые кресты. Я и большинство красноармейцев впервые видели "костыль".

Опытный командир лейтенант Копьев дважды подавал команду: "Не стрелять! Не шевелиться!"

Дважды покружив, самолет, взревев круто пошел вверх. Из-под его колес вывалилось что-то и веером развернулось...

Стали падать листовки.

Пехоте запрещалось читать вражескую пропаганду. Но листовок было очень много и они валялись на каждом шагу. На самокрутку бумаги был недостаток, а эта для курева не годилась. Справляя нужду их использовали и тут уж и читали. Запрещенное всегда притягивает больше, и я читал тоже. Их содержание было незамысловато, и помню, конечно, в общих чертах:

"Солдаты, вы деретесь как львы. Но все равно вы будете уничтожены. Сопротивление бессмысленно. Ваше командование предало вас. Война проиграна. Еще не поздно сдаться в плен. Немцы вас хорошо накормят и будут хорошо обращаться. Пароль: "Штык в землю!" Не забудьте захватить котелок и ложку".

Все же они были вынуждены признать, что мы хорошо деремся.

Бомбежка

Как только лавина листовок рассыпалась по степи, появился политрук и посматривал: не подобрал ли кто листовок, не читает ли их. "Костыль" – разведчик еще стрекотал вдаль, как один из красноармейцев закричал: "Воздух! Самолеты летят! Много!" – и бросился в укрытие. Самолеты были еще далеко, но с каждой секундой их рокот усиливался. Мощный рев неба перешел в острый ноющий звук падающих бомб.

Приподнявшись, я увидел, как из клина самолетов группа передних бомбардировщиков отвесно падала прямо на нас. Надо броситься вперед или назад, мелькнуло у меня в голове, и я услышал нарастающий свист оторвавшихся от самолета бомб. Взрывы раздались слева и сзади. Эскадрилья ушла на восток, на Сталинград. В этот период наша авиация была

слабее. Было полное превосходство немцев в воздухе. Мы с горечью и болью в сердце наблюдали воздушные схватки и, несмотря на умелое маневрирование, наши истребители "И-16" ("ишаки") в схватке с "мессершмидтами" чаще загорались. Деревянный фюзеляж "ишаков" загорался от зажигательных пуль и снарядов противника. Летчик выпрыгивал из горящей машины, но парашют чаще всего расстреливался фашистами. Сбивали и немецких «стервятников», но, к сожалению, реже. И некоторые наши щели – укрытия в степи были перекрыты деталями упавших самолетов – элеронами, остатками обшивки, затем замаскированными сухой полынью. Однажды половина взвода сменила свои портянки на шелковые. Парашют погибшего летчика был подобран, разрезан на солдатские нужды. Летчика похоронили, поставив над могилой согнутый винт. Плохо в степи было с водой. Колодцы были редки и далеко. Ручьи все пересохли. Лето было сухое. В кожух пулемета "максим" иногда просто "мочились". Ствол раскалялся от стрельбы и вода выкипала. Немцы наседали превосходящими силами, и потери были значительными. Часто сменялись командиры. Пулеметный батальон, где я был, часто перебрасывался с одного места на другое, использовался где нужнее, менялись и командиры. Командиром 112-й стрелковой дивизии после гибели Сологуба был подполковник Иван Ефимович Ермолкин.

Из состава наших подразделений создавались противотанковые узлы сопротивления с круговой обороной. От фашистских танков у нас был самый большой урон. Подразделения быстро таяли. У немцев было хорошо налажено взаимодействие с авиацией. С неба на нас постоянно пикировали и бомбили перед атакой танков и пехоты. Получив "дозу" осколков, я был оглушен взрывом бомбы и больше 10 дней не слышал ни команд и ни разговоров соседей. Раны от осколков, к счастью, оказались не глубокими и в мягкие ткани. Забинтованный ходил целый месяц. Бинты от пыли и взрывов быстро становились серыми и не отличались почти от одежды. Страдали от недосыпания, и так как взрывы были постоянно и стрельба тоже, от усталости засыпали и в такой обстановке, так как уставали зверски.

Постоянно надо было готовить несколько мест для переброски пулеметов. Перекопали огромное количество земли, готовя огневые точки, оборудуя огневую позицию.

Но противник превосходил нас постоянно, и мы вскоре оказались в нескольких верстах от Мамаева кургана, чуть севернее его. Были видны пожарища в Сталинграде.

Мы защищаем Мамаев курган

Мамаев курган – это широкий двугорбый холм. По преданию, здесь стоял шатер хана Мамаю, разгромленного на Куликовом поле.

В борьбе за Сталинград этот Мамаев курган или на карте просто высота 102.0, самый восточный в районе Сталинграда выступ, протянувшийся вдоль Волги. Курган врезался в пределы самого города – между центром и главными заводами и возвышается над ними в 2-х километрах от Волги. С этого кургана можно увидеть весь Сталинград и кроме города просматривается местность далеко вокруг, даже за Волгой. Левый берег Волги просматривается на добрый десяток километров. На западной стороне в курган вросли массивные, обложенные кирпичом, водонапорные баки. Сейчас на Мамаевом кургане монумент Родины-матери, братские могилы и плиты с именами прославленных Сталинградских героев.

Овраг смерти

В период боев за Мамаев курган, с прибывшими бойцами дивизии Родимцева мы, пулеметчики из дивизии 112-й: Боря Соловьев, Гена Спиридонов и я, ночью наткнулись на убежище в подвале, разрушенного напрочь от бомбежек и обстрелов, домика. Сверху он был от взрывов и пожара похож на закопченную кузницу, но там внутри оказалась железная дверь, ведущая по кирпичной лестнице к глубокому подвалу – погребу с цементным полом. Здесь было узкое помещение. У стенок - 2 кровати и железная печка. В этой комнате жила женщина с дочкой старшеклассницей и мальчиком лет 2-х с небольшим. Звали ее Александра Максимовна (фамилию забыл начисто).

«Как же мамаша, думаете здесь остаться живыми?» – спросили мы.

«Что вам, бойцам, то и нам. Свыклись с такой жизнью. Муж ушел добровольцем с рабочими завода, и вот - ни слуху, ни духу от него», - ответила она.

«Вот что, ребята, – перед уходом сказал Спиридонов, – давайте отдадим им весь наш хлеб, что нам выдали».

Отдав все наше продовольствие, мы покинули это убежище. Как-то мы встретили девочку Нину из этой семьи, ночью пробирающуюся по Банному оврагу. Она была связана с комсомольской организацией города и завода "Красный октябрь" и снабжала разведывательными данными наше командование.

Под видом розыска матери она с малым братиком пробиралась к немцам и добывала там немало ценных сведений, которые потом передавала пробравшимся товарищам ночью. Они все прекрасно ориентировались и пробирались, невзирая на обстрелы. Эта же Нина показала нам, где на Кургане и в овраге есть роднички. От недостатка воды страдали особенно остро как наши, так и немцы. Немцы за еду посылали местных мальчишек, оставшихся в городе добыть воду, и были случаи, что, передевшись в женские платья, сами перебирались по Волге добыть воду. Жаль, что Нину эту все же серьезно ранило в руку. И дальнейшей судьбы ее я не знаю.

В борьбе за Тракторный, где мы были позже, мы стали свидетелями героизма защитников города. Они сами садились в танки, изготовленные на заводе и отремонтированные, и шли в бой, целые роты создавались из рабочих, дрались рядом с нами, вливаясь в ряды бойцов 62-й армии.

А от Мамаева кургана шла ложбина к Волге переходящая в Банный овраг. Прозван он был Банным давно, там местами пробивали роднички и были издавна построены бани. Рядом с Мамаевым курганом проходила железная дорога с насыпью и тоннелем в овраге. Ближе к Волге проходила трамвайная линия с мостом над оврагом. Под трамвайным мостом была санчасть. В ней мне однажды сделали хорошую перевязку, выбрали осколки, серию которых я получил от бомбежки, когда был контужен и неделю ничего не слышал – оглох совсем. Врач с собой дал мне бинты и марганцовку.

В овраге этом кроме бань были и избышки, где в основном жили рабочие завода "Красный Октябрь", ближайшего к оврагу. Хотя население в основном ушло за Волгу, но оставались все равно некоторые. Жители – одиночки, и даже с маленькими детьми, жили, скрываясь в землянках, щелях. По этому оврагу наши разведчики ходили в тыл к немцам. Через этот овраг немцы больше всего рвались к Волге. Захватив железнодорожную линию, подходили к трамвайной линии, но дальше их не пустили, по бугру немцы заводской стороной немного не достигли Волги. В этот период овраг с разных сторон простреливался и почти целиком хорошо просматривался, особенно с Мамаева кургана. Был прозван Оврагом смерти, и все равно был местом притяжения всех защитников и обороняющихся как путь к Волге. Здесь стояли насмерть бойцы генерала Гурьева. По этому оврагу ночью пробирались наши подкрепления на завод "Красный Октябрь".

О доверии и недоверии

Еще до начала Великой Отечественной войны действиями НКВД, арестами без достаточных на то оснований и без достаточной проверки, иногда просто по злостному наговору, люди исчезали. «Значит, есть за что, зря не возьмут», – оправдывали обывательской этой фразой.

Не доверять легче. Тут людей меряют скопом. Взял и зачислил в подозрительные того, кто не по нутру, или показалось, что он именно такой. От этого сам стал как бы выше, сознательнее – чувство интересное для показухи, и все же идет в зачет. С недоверием даже дурак кажется умнее. А ума тут большого и не надо. Для доверия уже нужна голова, в ней что-то серьезное, а не просто прессованный дым. Доверие идет к конкретному человеку, а его надо знать хорошо, понимать его душу, желания, устремления. Тут уже надо хорошенько думать, и даже до потенья головы и головной боли.

Но есть, пожалуй, всегда были и будут люди, для которых дороже себя нет ничего на свете.

16 сентября в 11 часов вечера командир взвода 112-й стрелковой дивизии, находившейся в 5 км к северу от Мамаева кургана, обнаружил, что пятеро солдат отсутствуют на боевой

позиции. Вместо того, чтобы принять меры к их нахождению, он просто доложил об этом факте командиру роты. Ночью в расположение взвода прибыл комиссар Колобанов. С немецкой стороны доносился голос по-русски. Он обращался к бойцам: "Вы должны дезертировать. Немцы вас досыта накормят, и будут хорошо обращаться. Бегите из Красной Армии, пока вас не настигла пуля работника НКВД».

Не успел комиссар опомниться, как несколько солдат, рванулись к нейтральной полосе. Никто из красноармейцев не стал стрелять им в спину, чем вызвал ярость Колобанова! Оказалось, что с дезертирами ушел один сержант. Дезертировало всего десять человек. Командир взвода был арестован и предан суду военного трибунала. Дальнейшая его судьба – неизвестна. Едва ли и судьба дезертиров была такой, на какую они рассчитывали.

В степи, особенно вечером, ночью, очень трудно ориентироваться. Я всегда боялся попасть нечаянно к немцам. За водой приходилось ходить поочередно. Она в балках, в родничках течет тонкой струйкой, и то очень редко где есть. Иногда в нескольких километрах от расположения. Все равно ходили, хотя дорогой расплескивали и приносили мало. И опасно. Стрельба была почти постоянной. Были ранения, помню - ушедший по воду, не пришел обратно.

О командирах и красноармейцах

Командир, как и зрелый генерал, хорош только тот, кто понял, для какого важного дела привела его судьба. Вот они бойцы – красноармейцы. Безусые мальчишки, зрелые мужчины, отцы семейств, большинство в двадцатилетнем соку – все отданы войной командирам. Все их жизни он должен держать и держит в руке. Должен воевать, выполнять приказы Родины, но и вести счет каждой жизни и сверять генеральские задачи с простой, домашней жалостью. Каждый по своему талантлив, хотя не всегда умел и ловок. Сходство в одном: большинство о себе не думает. Всем им выстоять, победить или погибнуть. А война, ой какая длинная, а фашистов нельзя не одолеть.

Все вместе – это громада ума, трудолюбия, удали, чести, умения и расчета, упорства и злости. Соединенное вместе

должно победить. Уж очень они все богаты. Не один, так другой, не в первом бою, так во втором, а добьются и всей громадой осилят, сломают врага. Они добьются успеха – в дыму, в пыли на долю секунд раньше, чуть точнее, чуть верней, крепче, чем противник. В них разгадка в этих ребятах, в машинах с пушками и пулеметами – главная сила войны.

Командиров, которые ни на минуту об этом не забывают, солдаты и называют Батей. Таким был у нас командир учебного батальона 112-й дивизии Сергей Андреевич Анисимов, комполка Асеев, командир дивизии Иван Ефимович Ермолкин. Таким был С.Ф. Горохов из соседней дивизии, которому важно было, что ты жив и есть, не важно из какой воинской части. Таким был генерал Родимцев, которого солдаты обожали и боялись, что их могут перевести в другую часть от такого командира. Таким был Василий Иванович Чуйков. От него исходили запоминающиеся наставления – лозунги, адресованные всем сражающимся в городе: "Чем ближе к противнику – тем лучше", "Твою задачу никто за тебя не выполнит", "Саперу – почетное место в штурмовой группе" и ряд других.

Многие воины знают фразы наказа бойцу: "Врываться вдвоем с гранатой, оба налегке: ты без вещевого мешка, граната без рубашки. Граната – вперед, ты – за ней. Так проходи весь дом!" В городе главное – суметь превратить неприятельский опорный пункт в свой, "немедленно использовать его для дальнейших активных действий". "Быть готовым к штурмам, искать их!" – так формулировал Чуйков требования ко всему командному составу.

Чуйков настоял на том, чтобы артиллерия была размещена за Волгой, на левом берегу, поскольку обеспечить доставку боеприпасов на западный берег не было никаких возможностей, а без боеприпасов, без снарядов орудия – ничто!

Чуйков называл здания, занятые пехотинцами, "волнорезами", они были вооружены пулеметами, противотанковыми ружьями, иногда и пушками. Разорванные такими волнорезами потоки вражеских войск встречали замаскированные танки Т-34. Главной задачей было разделить наступающие танки. Минометчики и пулеметчики отсекали пехоту от танков.

Мы защищаем Тракторный

Командование 62-й армии ожидало уже, что противник, не добившись решающего успеха в центре Сталинграда, будет наступать в направлении заводов города. Об этом доложила и разведка.

С западной стороны всех главных Сталинградских заводов расположены были рабочие поселки. Они, как и город, вытянулись вдоль, параллельно Волге. От Банного оврага и долины Мокрой Мечетки длиной около 10 километров они образовали почти сплошной жилой массив с полосой лесопосадок. Кирпичных зданий было немного, преобладали деревянные домики, глинобитные мазанки. Поселки обезлюдели. Жители были переправлены на левый берег, но от бомбежек поселки пострадали меньше, чем центр Сталинграда.

Сами заводы работали до последнего. Ремонтировали танки, детали для "дотов", металлические колпаки к "дотам". Инженерные работы по обороне здесь велись заранее. Были отрыты щели, окопы, местами поставлены минные заграждения.

Как и в городе занятых войсками рубежей в глубине обороны и здесь не было. Все силы армии приковывал передний край. Наша 112-я стрелковая дивизия Н.Е. Ермолкина, хоть и малочисленная, но стойкая, получила подкрепление, и ее поставили на 2-ю линию обороны, на новом направлении главного удара противника. В течение суток наш полк капитана Василия Асеева – 416-й и второй полк 385-й А. Безъязыкова заняли запасной рубеж в заводских поселках у балки Вишневая.

Была создана цепочка опорных пунктов. Расположились в школах, магазинах, в бане – в наиболее прочных строениях по взводу пулеметчиков и автоматчиков. Мы заняли помещение школы. Огневых налетов удалось избежать. К утру 26 сентября все изготовились к бою на новых позициях. Но наступления гитлеровцев в этот день не было.

Поступил приказ - 27 сентября опередить противника с атакой. И контратака началась на Мамаевом кургане и в поселке "Красный Октябрь". Командующий решил помешать

немцам действовать по своему плану. Сил, чтобы сорвать их наступление не было, но помешать, ослабить их удар. Приказано было: наступление организовать мелкими группами по типу блокирующих отрядов с автоматами, ручными гранатами, ручными пулеметами, бутылками "КС" и противотанковыми ружьями. Артиллерию использовать по-орудийно. Огонь вести прямой наводкой в окна, амбразуры и чердаки строений.

В этот день враг к Волге не прорвался, но местами продвинулся, ведь глубина обороны до Волги измерялась сотнями метров. В заводские поселки немец вторгся. Наступало более тысячи солдат и танки. Мы, наш полк и вся 112-я дивизия были в тяжелейшем положении. Соседний 385-й полк был смят фашистскими танками. Мы хоть и подбили один танк, но против наших гранат танковые выстрелы в упор по школе разнесли здание, и мы понесли большие потери. Уцелели только бойцы в узких щелях, что были выкопаны в узких проходах между зданиями. В следующую ночь, как мы узнали, прибыло из-за Волги пополнение – новая дивизия. Для того, чтобы переправившиеся могли занять выгодные рубежи, наше подразделение – весь полк, все что осталось, был брошен на их поддержку. Вели огонь непрерывно. Ходили в атаку, в контратаку. Капитан Асеев сам возглавлял атакующих, и в этом бою погиб наш Василий Андреевич Асеев. В дивизии его знали все – он был до этой должности командира полка, начхимом 112-й стрелковой дивизии. Рядом, почти с нами, были вновь прибывшие с левого берега моряки. Всему фронту стал известен подвиг бронебойщика 883-го строевого полка Михаила Поникаха, он, когда кончились патроны к ПТР и в ход пошли гранаты и бутылки с зажигательной смесью, готовясь метнуть бутылку, пополз навстречу танку. В бутылку попала пуля. Жидкость, воспламенившись, превратила бойца в огненный факел. Поникаха, поднявшись во весь рост, побежал к танку, у него была еще одна, последняя бутылка. Он ударил ею по танку. Танк остановился объятый пламенем. Выскочившие из танка танкисты попали под пули наших бойцов. Остановлен был танк, а другие повернули назад. Теперь в городе Волгограде есть улица, названная его именем.

"Чтобы фашисты смогли взять Сталинград, им надо перебить нас всех до единого", – сказал Василий Иванович Чуйков.

Бои «кто-кого» - продолжаются

Бои с территории Заводских поселков начали перемещаться на территорию заводов. Северо-западнее заводов, в долине речки Орловки и ее оврагов, вся территория находилась в руках 62-й армии – это был "орловский выступ". Войска в этом районе отчаянно защищались, но численный перевес противника решил дело. Войска, оставшиеся в этом районе, были окружены. Их было несколько сотен человек. Ночью прилетали из-за Волги самолеты "У-2", сбрасывали боеприпасы и продовольствие. Группа – остатки 115-й стрелковой бригады ночью пробилась на окраину поселка СТЗ. Они своей стойкостью задержали удары противника на северном участке заводского района – по поселку СТЗ и самому Тракторному заводу. За это время именно для обороны завода прибыла 37-я гвардейская стрелковая дивизия. В ночь на 4 октября она начала переправляться. Немцы, начав наступление на поселок СТЗ, потеснили нашу малочисленную 112-ю дивизию, и мы были после перегруппировки войск передвинуты на северный участок заводского района. Вновь прибывшие авиа-десантники 37-й дивизии вводились в бой с задачей отбросить немцев назад и восстановить положение. Для их поддержки было выделено два истребительно-противотанковых полка. Вместе с зенитчиками против танков было выдвинуто более ста орудий. Гитлеровцы непрерывно, остервенело бомбили территорию завода и его поселок, даже сильнее чем это было в августовских массированных налетах.

На 5 октября противник в район СТЗ совершил до 700 самолето-вылетов. Но теперь мы были близко от противника, в ближнем соприкосновении, и у переднего края немцы опасались ударить по своим. Противник для своего обозначения выбрасывал свои знамена. Начав с контратак, авиадесантники кое-чего добились. Они вышли к устью Орловки (она сливается с Мокрой Мечеткой в 2,5 км от Волги). Но главное - они не давали продвигаться противнику. Это для немцев стало неожиданностью, и 6-го они прекратили атаки на целые сутки. К этому времени у нас совсем не было

танков. Переправлялось новое подкрепление, и появились танки. Они были расставлены в заводских поселках и боевых порядках пехоты. Увереннее себя чувствуешь, если рядом есть танк.

7 октября противник попытался врезаться танками и пехотой в поселок СТЗ с юга со стороны поселка "Баррикады". Немцам удалось вклиниться в наши позиции на 300-400 метров. Было уничтожено много пехоты и 16 вражеских танков. Приготовились отбивать новые атаки противника ночью. Но 8-го октября атак не последовало. Фашисты поняли, что продвинуться дальше не удастся, не подтянув свежих сил.

Была невиданная нами весь период передышка – целых 5 дней.

Как мы потом узнали – разведчики установили, что на окраине поселка СТЗ противник сосредоточил и готовится двинуть до 2-х дивизий с танками.

Командование организовало артиллерийскую контрподготовку небывалой еще в полосе нашей обороны силы: участвовало 300 стволов орудий и пять полков "катюш". 40 минут артиллерия била по сосредоточившимся неприятельским частям, и они в наступление не двинулись.

Когда началась наша артподготовка, даже не верилось, что она с левого берега Волги. Артиллерийского нашего огня такой силы я еще не видел никогда. Все впереди запыляло. Щебень, пыль, клубы дыма взметнулись вверх. Бойцы, радостно улыбаясь, поднимались из укрытий. Торжествовали победу дня – боевые порядки немцев были разбиты.

Как я потом, читая литературу о Сталинградской битве, установил – перед фронтом, только в первом эшелоне находилось пять немецких дивизий (71-я, 94-я, 100-я, 295-я и 389-я) и две танковые (16-я и 24-я) и плюс не менее 100 танков не установленного подчинения. Из Германии перебрасывались по воздуху саперные батальоны, специально обученные действиям в условиях города.

В ночь на 9 октября было решение командующего В.И. Чуйкова о перегруппировке войск. 112-я дивизия Н.Е. Ермолкина, старейшая в списках 62-й армии, пополнилась своим же 524-м стрелковым полком. От этого полка после сентябрьских боев остался один штаб, который был отправлен за Волгу, где укомплектовал полк заново в

дивизионных тылах. По числу штыков полк соответствовал не более чем батальону, но это подкрепление было существенно. Этот полк выдвигался на подступы к Тракторному. Мы оборонялись теперь у Мокрой Мечетки. Хотя враг не наступал, но на заводы, особенно на Тракторный, не переставали падать бомбы, сокрушая стены и перекрытия. Только ночью можно было вести работы по укреплению оборонных позиций.

Командование решило само прервать грозную паузу в боях, зная, что Паулюс, перегруппировавшись, вот-вот начнет бой. 12-го октября началась крупная контратака в районе поселка СТЗ.

Но контратаки, несколько раз повторявшиеся, успехов не принесли. В течение суток продвинулись местами на 50 метров, местами до 300 метров! Добиться большего было нельзя. Территория, обороняемая армией, была полосой вдоль Волги на двадцать километров. До берега было местами 2 км, местами 2,5 км, а во многих других - всего лишь сотни метров. Враг простреливал все расположение армии и все водное пространство Волги, связывающей армию с тылом. Примеров в истории нет, чтобы столь невыгодные для обороны позиции были удержаны от превосходящей силы противника. 13-го октября выяснилось, что с плавсредствами на переправе опять трудно. Командующий В.И. Чуйков распорядился: "Перевозить только боеприпасы. Хлеба не хватит – бойцы нам простят, а если завтра не хватит патронов и гранат, некого будет ни прощать, ни обвинять".

Если выстоим – нас не одолеть

В ночь на 14 октября на всем фронте армии было необычно тихо. Почти прекратился постоянный методический обстрел, редко доносились пулеметные и автоматные очереди. Даже осветительных ракет немцы пускали мало. Такой темной и тихой ночи в Сталинграде не было давно. Это не сулило ничего доброго ...

Ранним утром тишину оборвал рев моторов и грохот разрывов, немцы начали авиационную и артиллерийскую подготовку. Дымовая мгла гасила разгорающуюся зарю и клубившийся утренний туман с реки. Показались заходящие на бомбежку немецкие самолеты. Неистовый рев бомб, грохот

разрывов оглушали. В стороне Тракторного рушились стены, рухнула высоченная труба, до этого она была только в дырах и выбоинах от осколков. Казалось, что после этого ничего живого не уцелеет. Авиационная и артиллерийская подготовка длилась 2,5 часа. Чувствовалось – день решающий из решающих. Удар наносился широким фронтом на "Тракторный" и "Баррикадный" и между ними. Все дивизии в прошлых боях понесли большие потери. В нашей, 112-й Ермолкина, было менее тысячи человек, гитлеровцы знали о наших потерях и надеялись, что на этот раз, после такой подготовки с воздуха и артиллерией, врубятся в нашу оборону с ходу и сомнут, но это и сейчас не получилось. Первая атака была отбита, хотя ценой невероятных усилий и снова больших потерь. Немцы потеряли не менее двух десятков танков и много пехоты. Часа через полтора, противник предпринял вторую атаку с еще большим числом танков и пехоты. Как потом выяснилось, превосходство было более чем в 10 раз! Всю эту лавину удержать наши ослабленные части не смогли. Немцы вторглись в боевые порядки правее нас – 37-й дивизии и 109-го полка, и на нашем левом фланге 112-й дивизии.

Там, где прорвались танки и прошла немецкая пехота, задержать их было просто некому. Позиции наши и уцелевшие группы бойцов оказались в окружении, но продолжали сражаться. На наши очаги сопротивления пикировали снова "юнкерсы", и немцы широко использовали огнеметы.

Остановить гитлеровцев на направлении их главного удара наши части не смогли. Примерно полтора километра утром отделяли неприятеля от ворот Тракторного завода на площади Дзержинского, но нацеленная туда группа танков не преодолела это и к полудню. Самолеты продолжали "долбить" и, как потом оказалось, было сброшено до десяти тысяч крупных фугасок.

Когда ветер относил дым, видны были разрушенные корпуса СТЗ. Вокруг и в цехах завода шел бой. К исходу дня, продвигаясь по территории завода и южнее его, немцы достигли нижних береговых террас. Наша полоса обороны оказалась рассеченной. Северная группа войск была отсечена от ядра армии. Штаб 112-й дивизии находился рядом с цехами СТЗ, выводя его, героически погиб заместитель командира

дивизии подполковник Н.И. Годлевский. Продолжать наступление ночью противник не пытался. А мы приводили себя в порядок, организовывали отправку раненых, которых на правом берегу была не одна тысяча человек.

Северная группа имела до этого надежную связь с левым берегом через остров Зайцевский. С островом был пешеходный мостик на бочках и якорях. 15-го октября было не ясно, удастся ли закрепиться на новом рубеже. Нас враг оттеснял к Мокрой Мечетке, продолжая, хоть и не везде, продвигаться к заводу "Баррикадный", южнее Тракторного. Там были закопаны на прямую наводку танки "Т-34", которые задержали продвижение противника. Как мы позже узнали, прибыла свежая дивизия 139-я Н.И. Людникова, которая переправляется с левого берега Волги. Как оказалось, враг ворвался и в пределы завода "Баррикадный", помешать этому не хватало сил. У врага уже тоже не хватило сил идти напролом и овладеть заводом. Наступил кризис их "генерального штурма".

У нас осложнилось дело со снабжением войск: плавучий мостик через протоку Денежная Воложка, оказавшийся под перекрестным огнем и сверху по течению, и снизу по течению – вышел из строя.

Грузы от острова начали перевозить на лодках. 19 октября всем нам было прочитано прибывшим из штаба порученцем обращение генерал-полковника А.Н. Еременко: "Товарищам красноармейцам и командирам Сталинградского фронта".

В обращении было сказано: "Наши доблестные войска, защищающие Сталинград, сбили спесь фашистским мерзавцам, сорвали их планы захвата Сталинграда".

Пять - шесть дней, с 14 по 18 октября, явились как бы вершиной Сталинградской битвы. Фашистское наступление помогло сорвать многое. Однако главным оставалась стойкость и боевое упорство пехоты. Это и определило, в еще большей степени, чем когда бы то ни было прежде, исход боев. Нужно было удержаться там, где стоишь, или погибнуть.

Осеннее купание в Мокрой Мечетке

После ожесточенных боев, устроенных нам немцами, их - "генерального штурма", наша группа "взвод" в 11 человек занимала оборону в траншее недалеко от речки Мокрая

Мечетка маскируясь в редких кустарниках, уже почти без листвы. Речки Сухая и Мокрая Мечетка, маловодны. Сухая летом бывает безводной вообще. Но осень - шли октябрьские дожди, утром земля покрывается инеем. Заморозки ночью, на воде то и дело ледок. Моросило и в этот день.

Мокрая Мечетка от дождей стала водной преградой. Немцы продолжали давить нашу северную отсеченную группу, где мы оказались. После ожесточенной перестрелки, немцы обстреляли нас ураганным огнем минометов. Они имели численное превосходство, а нам поддержки ждать было неоткуда. Старший сержант Спиваков, старший нашей группы, приказал, чтобы не стать окруженной группой и не быть отрезанными от батальона, перейти речку, спасти пулеметы и противотанковое ружье. Выбирать место, где мельче, и идти с ружьем и пулеметами вброд. Глубина оказалась где-то по грудь, где и выше. После срочной такой переправы мы оказались до нитки мокрые. Немцы купаться не захотели, прицельно стрелять уже не могли, мешали кусты и уже темнело. Стреляли только на любой шорох наугад.

Начали раздеваться и выжимать одежду. Высушить одежду в этих условиях невозможно. Одного красноармейца ранило уже во время "отхода" с позиции. Перевязывая его, собрав все индивидуальные пакеты, обнаружили, что ранение слепое и серьезное, в грудь. Отправить его сразу не удалось, и все мы промокли. Стали замерзать от холода во влажной одежде. Начались поиски сухой одежды. У 10 человек оказалось только 3 сухих шинели и 2 плащ-палатки. Нашли убитых, сняли еще 2 шинели. И вот на этих шинелях, прикрываясь тоже шинелями и плащ палатками, всю ночь крутились, согревая друг друга. Спиваков отправил Женю Шматова в батальон с донесением и просьбой прислать санитаря. Наш раненый Миша Зеньков стал бредить, его знобило от потери крови еще больше, чем нас. К утру, когда уже стало светать, вернулся Женя Шматов, сухой переодетый с хлебом и красноармейцем, притащившим нам термос с кашей и 2 шинели. Наш Миша Зеньков умер. Он терял сознание периодически, просил сообщить домой, и умер уже без сознания, не приходя в себя.

Вскоре на новую позицию нам прислали замену. А от такой водной процедуры у меня появились фурункулы, очень болезненные и довольно долго меня беспокоившие.

Мы отрезаны от 62-й армии

Отрезанная группа при защите СТЗ стойко продолжала обороняться. Возглавлял ее командир 124-й стрелковой бригады полковник С.Ф. Горохов. С 3-х сторон прижатая к Волге противником свыше месяца продолжала обороняться. Особенно ожесточенные бои происходили в районе поселка Рынок севернее завода СТЗ. Противник предпринял здесь 5 ожесточенных атак, но все они были отбиты.

Так описывает этот бой автор истории 14-й танковой немецкой дивизии Р. Грамс:

"Это была жуткая, изнуряющая борьба на земле и под землей, в развалинах и подвалах, в канавах большого города и его индустриальных кварталов ...

Танки карабкались через горы мусора и обломков, скрежеща пробирались через чудовищно разрушенные заводские цеха, стреляли с ближних дистанций вдоль заваленных улиц и тесных заводских дворов. Иной бронированный колосс вдруг сотрясался и разрывался на части под грохот детонирующей вражеской мины. Но все это еще можно вынести. Дальше же был глубокий, как бездонное ущелье, круто обрывающийся к реке волжский берег, здесь разгорались самые ожесточенные схватки. Если немцам удавалось захватить край волжского берега, то ночью у них на флангах и в тылу из всех щелей и трещин земли появлялись советские воины. И все, что было завоевано вечером в жаркой борьбе, к утру оказывалось снова потерянным. А на противоположном низменном лесистом берегу реки нельзя было увидеть врага, незримо были там его батареи, его пехота, он был там, он вел оттуда артиллерийский огонь. Каждую ночь, сотни его лодок перевозили подкрепления через широкий поток и руины Сталинграда, и все начиналось сначала: ураганный огонь, пикирующие бомбардировщики, дым и чад, часами заслонявшие солнце. Но положение почти не изменялось, а боеспособность войск таяла, как масло на солнце".

В ходе первых атак немецкие танки с пехотой прорвались в поселок Рынок и заняли часть его, но к исходу дня враг был уничтожен контратаковавшими советскими подразделениями. За два дня боев группа Горохова уничтожила более 2-х тысяч вражеских солдат и офицеров.

Фашистская авиация все так же массированно действовала, и от бомбежек с воздуха было больше всего потерь. Об ожесточенности боев 23-24 октября, и чего нам стоило сдерживать натиск противника, дает представление такая цифра. За эти дни было эвакуировано на левый берег 1894 раненых. Это не все раненые, часть оставалась в убежищах на нашем берегу. Транспортировка стольких раненых через территорию берега и Волги, непрерывно обстреливаемую и всю ночь освещаемую ракетами, была делом не простым. Бойцы переносили тяжелораненых на плащ-палатках и носилках. Перевозили, главным образом, небольшие речные пароходы. Счастливым считался пароходик "Ласточка", который с 18 по 25 октября благополучно вывез больше тысячи раненых.

Я пишу об этом потому, что помогал в их отправке, так как приказом от 20 октября была выведена в резерв фронта 112-я стрелковая дивизия Н.Е. Ермолкина. За Волгу убыли фактически одни штабы и совсем немного строевых командиров. Небольшая оставшаяся в живых группа бойцов была передана в другие подразделения. В этот период впервые удалось помыться в настоящей бане, после многомесячной "бани", созданной фашистами.

Я на Донском фронте

Перед наступлением настоящей зимы на Волге уже давно появились ледяные закраины, по реке шел лед-«сало». Штаб 112-й стрелковой дивизии был отправлен на переформирование дивизии за Волгу. Небольшая группа красноармейцев оставшаяся от дивизии в строю вместе с группой вернувшихся после излечения была посажена в кузова автомашин и отправлена на северо-запад. Более чем полгода я ходил только пешком и вдруг оказался на транспорте, да еще без какого-либо пулемета.

Высадили нас в степи. Я с горсткой однополчан-сталинградцев оказался в 120-й дивизии, в пулеметном взводе

2-й роты 538-го стрелкового полка. Эта дивизия входила теперь в состав вновь созданного Донского фронта. Командующим фронтом был К.К. Рокоссовский. Подразделения были далеко неполного состава. До этого 120-я дивизия в составе 24-й армии пыталась соединиться с 62-й армией в помощь Сталинграду, но безуспешно. Старые солдаты доказывали, что с приходом нового командующего К.К. Рокоссовского обязательно начнется наступление, и вера в это скорое наступление как бы витала в воздухе.

А оказался я совсем недалеко от тех мест, где отбивались летом от наступавших фашистов – в междуречье Волги и Дона, только несколько севернее. Ноябрь нигде не радуется погодой. В степи дули холодные ветры, часто моросил дождик. Утром почти постоянно был туман. Дождь периодически переходил в снежную пургу. Выдали нам теплое белье, фланелевые портянки, фуфайки, зимние шапки и подшлемники. Стало поуютней, но постоянно мерзли ноги – валенки только обещали.

Мы прибыли после перемещения полка на новые позиции. Хлопоты с оборудованием позиций и обустройством для ночевки продолжались ежедневно. Но в метрах 300-400 были немецкие позиции, хорошо укрепленные еще почти с летнего времени. Оттуда постоянно постреливали, причем – прицельно. Немецкие позиции господствовали над местностью. Ночью у нас было поставлено усиленное дежурство, а у пулеметных точек – круглосуточно. Немецкая разведка как-то выкрала нашего красноармейца, и на постах после этого дежурили по двое. А затишье было недолгим.

Наше наступление

В ночь с 18 на 19 ноября был зачитан приказ о наступлении. 19 ноября было туманное утро. Артподготовка была начата позже назначенного времени. Длилась она 80 минут, велась в десятке километров от нас, и участвовало в ней три с половиной тысячи стволов. Погода была нелетной и авиация не участвовала в начале наступления. Никто из нас и представить себе не мог, какое грандиозное наше наступление развернется между Волгой и Доном, все это мы узнали гораздо позже.

А сейчас после утреннего тумана пошел снег, и нам по сигналу ракеты было приказано наступать. Как я уже упоминал, оборона противника господствовала над местностью. И она была многорядной, глубоко эшелонированной. После «обработки» переднего края залпами «катюш» мы двинулись вперед. Хотя «катюши» хорошо поработали, из-за снега и тумана не все огневые точки удалось подавить. И наша атакующая линия была встречена очень плотным огнем. С потерями, но все же линия обороны врага была захвачена. Уступив первые траншеи, они не позволили нам углубиться, и на второй линии мы «застряли». Порыв атаки захлебнулся, да еще быстро стемнело, и видимость стала еще хуже. Начали укрепляться на занятых позициях в бывшей вражеской траншее. Здесь были два блиндажа, очень хорошо оборудованные. Не обошлось без ЧП. Несколько красноармейцев подорвалось на минах. На бывших немецких позициях и в блиндажах, землянках было расставлено немало мин. Землянки и блиндажи были хорошо врыты в уступы оврагов с многослойными накатами из бревен. Стены обшиты досками (немцы все это привозили из занятых ими селений). В блиндажах была и сельская мебель, городские кресла. А складные кровати и печки немцы привозили с собой, у них была такая служба. Красноармейцы, разглядывая печку и пытаясь ее растопить, подорвались на подложенной под нее мине. Мина была очень тщательно замаскирована. Двое красноармейцев были ранены, один убит. С Петром Красильниковым из-под города Горького я недавно только познакомился - земляки, волгари. И вот он убит при взрыве мины. Стемнело, выставили караулы. Стали чинить землянку – дверь вышибло взрывом. Оборудовали позиции для наших «максимов». Все надо было переустанавливать на 180 градусов – в другом направлении, чем было у фашистов. Немцы били по своей бывшей первой линии обороны, хоть и не видно было ничего, но у них было все пристрелено, и их огонь был результативным.

Наше подразделение 538-го полка, как и дивизия в целом, мало продвинулось вперед. На этом направлении оборона немецкая была очень укрепленной. В прилегающих оврагах у них были долговременные огневые позиции для шестиствольных минометов, крупнокалиберных пулеметов и

орудий. Наше командование атаки остановило и ждало, видимо, более серьезную поддержку пехоте. Здесь, на этом участке немцы использовали наши укрепления, сделанные еще трудящимися Сталинградской области и города Сталинграда летом 1942 года, перед приближением фашистов к Сталинграду. Они их переоборудовали, усовершенствовали, используя стальные колпаки для дотов, изготовленные сталинградцами. Такие укрепления можно брать только с артиллерией и танками. В этот период нашего наступления было создано много танковых бригад. Не помню номера танковой бригады, но она нам очень помогла прорвать, наконец, следующие линии обороны немцев. На танки Т-34 посадили роту автоматчиков, и после танковых залпов в упор с ближних дистанций, наши автоматчики закрепились, а наши батальоны очистили от неприятеля и следующие линии обороны. Упорное сопротивление было постепенно сломлено и на этом участке. А в двадцатых числах ноября неприятельская группировка была взята в кольцо и соседняя армия генерала Жадова, как нам рассказал комиссар, соединилась с северной группой 62-й армии. С той самой группой Горохова, ранее отрезанной от 62-й армии, где в октябре месяце был и я, в составе 112-й стрелковой дивизии.

24 ноября началась ликвидация окруженной группировки. Наиболее упорное сопротивление войскам нашей, 24-й армии генерала И.В. Галанина, враг оказал в районе Песковатки и Вертячий. На этом направлении наши подразделения несли большие потери. Особенно упорные бои были в Иловлинском районе. Немцы здесь очень хорошо закрепились. Оборона населенных пунктов была круговой. Для прямой атаки у нас не хватало сил, а местность была довольно ровной, трудно было укрыть огневые точки. На ровной местности они становились мишенями, особенно для снайперов.

Мое тяжелое ранение

2 декабря, сменив позицию, мы не успели окопаться, земля была мерзлой, и было светло. Нас на снегу было хорошо видно, хоть мы и пытались пулемет прикрыть рваным маскхалатом. Саша Савинов, лежавший за первого номера, Алексей Логинов и я обсуждали, как поступить дальше. Вся наша рота была несколько сзади, левее нас. Ни от комбата, ни

от ротного никаких распоряжений уже давно не поступало. Разговаривая с Сашей, я внимательно смотрел вперед. Бинокла у нас не было, но мы вдаль видели движение противника. Саша вдруг затих и не отвечает.... Посмотрев на него, я увидел на его лбу струйку крови. Пуля через прорезь щитка пулемета попала ему прямо в лоб. Повернув его на бок, мы поняли, что он уже мертв. Наш Саша беззвучно умер, так и не выпустив из рук ручек пулемета.

Послышалась команда, что справа пойдут танки и пехота. «Передовые будьте внимательны. Поддержите огнем по сигналу!» - был отдан приказ.

Не зная, что делать с Сашей, мы, отодвинув его тело, стали готовиться выполнить команду. Я собрал и приготовил все пулеметные ленты, Алексей лег за прицел. Но, видимо, нашей большой ошибкой было то, что не переместились с позиции, а она было лучшей на этом участке для поддержки пехоты. Немецкий же стрелок – снайпер продолжал держать нас на мушке. Сместившись чуть влево от щитка, я оказался открыт. Внезапно меня ударило по плечу как будто дубиной, сильнее, чем отдача от выстрела из противотанкового ружья. Я ощутил теплую струйку, потекшую по плечу и под левой подмышкой. А рука сразу онемела, и я не мог ей ни двинуть, ни шевельнуть. «Алеша, меня ранило в плечо!» - сказал я Логинову Он, расстегнув шинель и гимнастерку, увидел пятно крови. Разорвав рубашку и достав пакеты – мой и свой, начал перевязывать. Пуля попала левее ключицы и правее сустава плеча. Кровь текла и спереди, и сзади, пуля вышла насквозь. Перевязывать это место сложно, и он, перетянув по возможности рану, сказал: «Хорошо, что не разрывная. Давай, шагай в тыл, а то истечешь кровью». Поднявшись в рост, я пошел в сторону от боя туда, где по моему предположению должен был быть санбат. Стало темнеть, бой разгорелся, пули свистели над головой и рядом, а я брел наугад по снежной целине. Случайно встретил бойца, не то связного, не то связиста. Я спросил про санбат, тот махнул рукой в его направлении и пошел дальше. Сколько я брел плохо помню, только стал слабеть, хотелось прилечь. Но увидел вдаль слабо мерцающий огонек. Побрел дальше и оказался у оврага, где увидел большие палатки и выскочившую из палатки фигуру в юбке с ведром. Она, увидев меня, качающегося от усталости,

махнула рукой на вход. Добредя до входа, я рухнул на землю. Очнулся, когда меня раздевали. Гимнастерка и фланелевая рубашка были почти полностью мокрые от крови, сухими были только правые рукава. Я качался от слабости, в глазах темнело. При перевязке услышал фразу: «Этот отвоевался». Очнулся я уже лежащим на досках. На мне оказалась сухая гимнастерка, чужая, старая, рыжая. Рука была подвешена на шею. Я сунулся в карманы. В нагрудных карманах было пусто. Стал говорить сестре про документы. Она заявила, что в этой кровавой куче одежды ей искать некогда. Сам я это сделать был не в силах. Палатка была набита ранеными. Лежали на дощатых настилах, на топчанах рядами. Со мной рядом оказался знакомый по военному училищу Миша Корнилов – москвич. Он все время просил пить. Я его запомнил еще в училище – он лучше всех играл в футбол. Не допросившись воды, он пытался вставать, ходить. Уже рассвело. Невдалеке я увидел нашего раненого комбата. Помню, он был бывший учитель, фамилию вот только никак не могу припомнить. Он меня тоже узнал: «А, и ты здесь, пулеметчик». Оказалось, что сосед мой, Корнилов – москвич, ночью умер. Сказали, что от столбняка. Я всё стал вспоминать, делали ли мне противостолбнячный укол или нет? Не вспомнил...

На следующие сутки к вечеру нас погрузили на сани. Меня вели, поддерживая. Накрыли брезентом. Не помню, сколько мы ехали. Видимо дремал. Помню только, замерзли ноги. Лошади остановились у длинного сарая, крытого соломой, похоже, бывшего овощехранилища. Большой вход – ворота имели калитку. Все длинное помещение было занято лежащими на соломе ранеными. Мало кто вставал. В середине сарая горела печка – буржуйка, сооруженная из бочки из-под горючего. На печке стоял чайник. Печка докрасна раскалена. Перед печкой сидела девушка в белом халате и в фуфайке. Было довольно холодно, но, видимо от слабости, я снова заснул, как только прилег. Проснулся от раны, она сильно чесалась. В этом помещении, помню, была у меня перевязка. На бинтах и вокруг раны шевелились вши, они напозли под бинты из соломы, на которой мы лежали. И не только под бинтами, их оказалось много всюду, на всей одежде. Особенно много их оказалось на шерстяном подшлемнике, который уцелел у меня вместе с шапкой и шинелью. Пробыли мы здесь

несколько дней. Здесь я снова пожалел о полевой сумке, оставшейся на поле боя. Там у меня остались фотографии домашних, бумага, карандаш, кисточка и блокнот с несколькими рисунками. В Сталинграде было не до рисования. Пришлось напрочь забыть об этом. Сейчас как бы это пригодилось, хотя левая рука совершенно была не моя. Хорошо хоть перед отправкой в карман гимнастерки положили справку о ранении, а то я, совсем непонятно кто и откуда, без документов. Попросил у лежащих ребят листочек бумаги и карандаш и из этого помещения – овощехранилища отправил письмо – треугольник, что жив и ранен в плечо.

Как я узнал позднее уже в госпитале 3149 в г. Перми (г. Молотов) из писем мамы, дома получили мое первое письмо - треугольник о ранении. Но вскоре домой пришло извещение о том, что красноармеец Маркин Н.А. погиб смертью храбрых и похоронен на братском кладбище близ села Паншино Иловлинского района Сталинградской области. И теперь моя мама не знала, чему и верить. Моему письму или этой казенной с печатью «похоронке». Только следующее мое письмо из госпиталя развеяло сомнения мамы и как-то успокоило моих близких.

Снова едем поездом на восток

Из овощехранилища, приспособленного для раненых, нас, погрузив на подводы, повезли на станцию. Не помню, сколько ехали, но оказались мы в городе Энгельсе, на левом берегу Волги. Разместили в каком-то большом зале недалеко от станции. В помещении стояли железные кровати с матрацами и одеялами. Видимо, какой-то пересыльный пункт. Здесь нас посетили местные жители – работницы какой-то фабрики. Расспрашивали о своих знакомых, принесли бумагу и карандаши. Тем, кто не мог сам, написали под диктовку письма. Ближе к ночи нас отправили на вокзал, где стоял санитарный поезд. Он был почти загружен, и нас уже как бы подбирали. В вагонах было много тяжелораненых с костылями, были и лежачие, были с ранениями в голову. Здесь я, наконец, оказался на чистой постели, снова в тепле. После принесенного ужина уснул как убитый. Никто точно не знал, куда идет поезд, но ходячие быстро все узнали. Поезд шел на северо-восток.

Иногда на больших станциях группу раненых сгружали. Поезд следовал по Татарстану и дальше. Большую партию, и меня тоже, сгрузили в г. Молотов (г. Пермь). Здесь оказались все раненые с повреждением нервов, периферических и центральных. Очень много с черепными ранениями и даже с повреждениями позвоночника. Госпиталь 3149. Попал я в нейрохирургическое отделение на третьем этаже. Располагался госпиталь в бывшем педагогическом институте, почти в центре города. Палаты – бывшие учебные комнаты института, в палатах было по 20 и более коек. Здесь нас переодели в чистое белье, выдали серо-синие халаты с тапочками. После ванны я проспал более 20 часов. Отмылась многомесячная грязь, нас постригли. Но руки мои не отмылись, кисти рук как были, так и остались как будто в перчатках. Оружейное масло въелось в кожу и никакое мыло не могло отмыть смесь оружейного масла и грязи с кистей моих рук, пока не сменился слой кожи на руках. Сделали рентгеновский снимок ранения. Оказалось перебиты лучевой и срединный нерв и задеты верхушки плевры левого легкого. Рука моя продолжала висеть, и пошевелить я мог только мизинцем и чуть-чуть безымянным пальцем. Назначили мне лечебную физкультуру для левой руки. Рана же не заживала и гноилась, затянулось только выходное отверстие пулевого ранения. Молодой врач-ординатор Анохина сказала: «Пока рана не заживет, и Вы не окрепнете, никакой операции не будет!».

Шел уже конец февраля. Из газет и радиопередач я узнал об окончательном разгроме немцев под Сталинградом, пленении Паулюса. Меня очень интересовало, как закончились бои там, где я был в составе 62-й армии. А там, как я прочел в газетных материалах (записал британский корреспондент) было так:

«Северная группировка 6-й армии Паулюса в составе шести дивизий под командованием генерала Штрекера продолжала сражаться и тогда, когда уже был захвачен штаб Паулюса. Чтобы сокрушить последний очаг сопротивления, советское командование в спешном порядке сконцентрировало на участке шириной в полкилометра около 300 полевых орудий и подвергло заводской район жесточайшему обстрелу. Все уцелевшие доты были расстреляны в упор из огнеметов. Танки подползали к немецким укреплениям вплотную и

просто всовывали в амбразуру ствол орудия. После этого огневая точка замирала навсегда. Несколько дней спустя заводской район позволили осмотреть иностранным журналистам. «Каким был рельеф этой местности раньше никто определить не смог».

«Мы то забирались на гору, то спускались в овраг, а кое-где дюжина бомбовых воронок сливалась в огромный кратер. Заводской двор изрыт траншеями, траншеи проходят даже внутри цехов, а на дне канав лежат окоченевшие трупы немецких и русских солдат. Все вокруг усыпано кирпичной крошкой. Тут и там валяются заполненные снегом солдатские каски, тянется путанка колючей проволоки, проглядывают снарядные гильзы. Трудно себе представить, что в этом аду кто-то мог уцелеть. Русские с трудом верили в то, что Сталинградская битва закончилась их победой. Вспоминая погибших товарищей, все тяготы и лишения, солдаты удивлялись, как им самим-то удалось выжить».

«Во время Сталинградской кампании потери Красной Армии составляли один миллион сто тысяч человек, из них пятьсот тысяч убитыми».

В Сталинградской битве, а только в ней я и участвовал, и был тяжело ранен во время окружения 6-й армии Паулюса, я был всего лишь одним из полутора миллионов ее участников, рядовым красноармейцем.

Из этого огромного числа ее участников остается все меньше и меньше с каждым днем. И скоро трудно будет найти ее очевидцев, прошло более полувека. И уже многие не знают, что это такое – Сталинградская битва, хотя о ней слышал и знает весь мир, и о ней много написано.

А Сталинградская битва была переломным моментом в войне с фашистской Германией, и была она вершиной воинского подвига всего советского народа, его силы, мужества, стойкости и непревзойденного героизма. Сталинградская победа – венец военного искусства, выдающаяся победа в истории великих войн.

Я не профессиональный литератор, в своих воспоминаниях я рассказываю о давно происходивших событиях, об этом надо было писать раньше. Но я привлек к своим воспоминаниям и другие воспоминания и на них ссылаюсь местами. Неумело и мало рассказал о подвигах

сталинградцев, ничего не рассказал о самоотверженном труде жителей, об их подвигах, о подвигах женщин, на плечи которых легли все невзгоды войны, ее ужасы и тяготы. Но в течение битвы, в эти 200 дней и ночей, все кто там был, приобрели убеждающую уверенность в своей победе. Уверенность, какая бывает в своем деле у высочайших профессионалов – у знаменитых докторов, старых пожарных, у старых учителей, объясняющих у доски.

В «Красной Звезде» была напечатана передовая статья, посвященная 62-й армии В.И. Чуйкова. Ее я прочел с некоей гордостью, ведь и я был в 62-й армии в составе 112-й стрелковой дивизии. Слушали и читали о введении в Советской армии погон, о звании офицера, как в бывшей царской армии. Красноармейцы стали солдатами, комиссары – заместителями командира. Все это было ново и горячо обсуждалось.

В госпитале была библиотека, и я снова стал читать книги. Медсестра Антонина Гаман принесла мне ученическую акварель и бумагу для рисования. И я, освоившись, стал орудовать одной рукой – рисовать своих соседей по палате. В основном карандашом и в размер открытки, чтобы можно было отправить домой в конверте. После огромного перерыва портреты получались не сразу, но после одного – двух стало получаться удачнее, и ребята, портретируемые, были довольны.

Я более – менее окреп только в июне, и меня оперировали. Операция под наркозом длилась часа два. Вместе с нервами «починили» перебитые кровеносные сосуды. Я еще долго лежал в этом госпитале после операции. Чувствительность руки улучшилась, улучшилось кровообращение, я стал ее приподнимать.

20 августа я был выписан из госпиталя с освобождением от военной службы по ранению и лечением и переосвидетельствованием по месту жительства. С такой справкой я прибыл 25 августа 1943 года домой. В военкомате мне выдали «удостоверение о временном освобождении от воинской обязанности».

Началась моя новая жизнь в тылу и дома:

- Заслуженный художник РСФСР.
- лауреат Государственной премии СССР.

- член Союза художников СССР.
- член Союза кинематографистов СССР.
- инвалид II гр. по ранению.
- пенсионер с 1993 г.

Работал на к/с «Мосфильм» художником-постановщиком художественных фильмов (1955-1993 г.), Проживаю в Москве с 1948 г.

Мои награды:

- ордена: Отечественной войны 1-й степени (№508980); Трудового Красного Знамени (№995246, март 1976 г.); Славы 3-й степени (№590778, март 1948 г.);
- медали: За участие в Сталинградской битве (У-32541); За победу над Германией в ВОВ 1941-1945 г.; За доблестный труд в ВОВ 1941-1945 г.; Двадцать лет Победы в ВОВ; Тридцать лет Победы; 40 лет Победы; 50 лет Победы; 50 лет Вооруженных Сил; 60 лет Вооруженных Сил; 70 лет Вооруженных Сил; Жукова; 800-летия Москвы; 850-летия Москвы; Ветеран Труда.
- грамоты Президиума Верховного Совета РСФСР; лауреата Государственной премии СССР (№000495, 1979 г.).

*В подготовке текста воспоминаний оказала помощь **Кузнецова Ольга Игоревна**, студентка гуманитарного факультета Московского института коммунального хозяйства и строительства*